

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

Л59

Серия «Фантастика: классика и современность»

David Lindsay

A VOYAGE TO ARCTURUS

Перевод с английского *К. Егоровой*

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Линдсей, Дэвид.

Л59 Путешествие к Арктуру : [роман] / Дэвид Линдсей ; [пер. с англ. К. Егоровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Фантастика: классика и современность).

ISBN 978-5-17-117565-8

Дэвид Линдсей (1876–1945) — шотландский писатель-фантаст. Посмертная известность пришла к нему в 1968 году, в связи с переизданием его романа «Путешествие к Арктуру» в культовой серии «Sign of the Unicorn». Сложное, многоплановое произведение, в котором приключения землянина на странной, полной загадок планете сопровождаются изменениями в его мировоззрении и переосмыслением всей его жизни, выдержало испытание временем. Робинзопада одиночки в мире ускользающих смыслов будет интересна как начинающему читателю, так и искушенному ценителю нестандартных сюжетов.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-117565-8

© Перевод. К. Егорова, 2019

© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

Глава 1

СЕАНС

Мартовским вечером, в восемь часов, медиума Бэкхауза, стремительно восходящую звезду мира духов, провели в кабинет в Пролэндзе, хэмпстедской резиденции Монтегю Фаулла. Комнату освещал только пылавший в камине огонь. Хозяин поднялся с места, оглядев посетителя с вялым интересом, и они обменялись традиционными приветствиями. Указав гостю на мягкое кресло возле огня, южноамериканский торговец вновь сел. Зажегся электрический свет. Выразительные, резкие черты хозяина, его похожая на металл кожа и общее настроение скучающего равнодушия не произвели большого впечатления на медиума, который привык смотреть на людей под определенным углом. Бэкхауз, напротив, был торговцу в диковинку. Невозмутимо изучая гостя сквозь полуприкрытые веки и дым сигары, он гадал, как этому маленькому, коренастому человечку с заостренной бородкой удавалось сохранять столь свежий и разумный вид, вопреки ненормальной природе своей профессии.

— Вы курите? — тягуче осведомился Фаулл, чтобы начать беседу. — Нет? В таком случае, быть может, выпьете?

— Спасибо, не сейчас.

Пауза.

— Вы всем удовлетворены? Материализация произойдет?

— Не вижу причин сомневаться в этом.

— Хорошо, я не люблю разочаровывать гостей. Чек на ваше имя лежит в моем кармане.

— Я заберу его после сеанса.

— Я полагаю, мероприятие назначено на девять?

— Думаю, что так.

Разговор не клеился. Распростертый в кресле Фаулл сохранял равнодушие.

— Вас интересуют приготовления, которые я сделал?

— Не думаю, что в них есть нужда, не считая кресел для гостей.

— Я имею в виду убранство комнаты для сеанса, музыке и тому подобное.

Бэкхауз пристально посмотрел на хозяина:

— Но это не театральное представление.

— Совершенно верно. Видимо, я должен объяснить... Среди гостей будут дамы, а они, как вам известно, склонны к эстетике.

— В таком случае у меня нет возражений. Надеюсь только, что им понравится спектакль, — весьма сухо ответил медиум.

— Значит, все в порядке, — сказал Фаулл. Страхнув пепел с сигары в огонь, он поднялся и налил себе виски. — Хотите взглянуть на комнату?

— Спасибо, нет. Предпочитаю ничего не видеть, пока не придет время.

— Тогда давайте навестим в гостинойю мою сестру, миссис Джеймсон. Иногда она любезно берет на себя обязанности хозяйки, ведь сам я не женат.

— Почту за честь, — холодно произнес медиум.

Дама сидела в задумчивом одиночестве перед открытым фортепьяно. Она играла Скрябина, и ее захлестнули чувства. Окинув взглядом миниатюрные, строгие, аристократичные черты и напоминавшие фарфор руки, медиум подивился, откуда у Фаулла взялась такая сестра. Она смело приветствовала его, лишь с тенью тихого волнения. Он привык к подобному отношению прекрасного пола и хорошо знал, чем ответить.

— Должна признать, что больше всего меня поражает, — тихо произнесла она после десяти минут любезной беседы ни о чем, — не сама материализация — хотя, разумеется, это будет чудесно, — а ваша убежденность в том, что она произойдет. Поведайте мне о причинах вашей уверенности.

— Я сплю с открытыми глазами, — сказал он, кинув взгляд на дверь, — и другие видят мои сны. Вот и все.

— Но это прекрасно, — откликнулась миссис Джеймсон. Ее улыбка была весьма рассеянной, потому что прибыл первый гость.

Это был Кент-Смит, бывший магистрат, известный своим колким судейским юмором, от которого он, впрочем, рассудительно воздерживался в личной жизни. Хотя ему давно перевалило за семьдесят, его глаза были обескураживающе яркими. Со стариковской прозорливостью он тут же устроился в самом удобном из многочисленных удобных кресел.

— Итак, сегодня мы увидим чудеса?

— Свежий материал для вашей автобиографии, — заметил Фаулл.

— О, не будем упоминать мою несчастную книжицу. Старый народный слуга всего лишь развлекается на пенсии, мистер Бэкхауз. У вас нет причин тревожиться — я окончил школу конфиденциальности.

— Я не тревожусь. Вы можете публиковать все, что пожелаете.

— Вы очень любезны, — ответил старик с лукавой улыбкой.

— Трент сегодня не придет, — сообщила миссис Джеймсон, с любопытством покосившись на брата.

— Я его и не ждал. Это не его область.

— Понимаете, мы все обязаны миссис Трент, — сказала она, обращаясь к бывшему магистрату. — Она чудесно украсила старый салон наверху и договорилась об услугах очаровательного маленького оркестра.

— Но это римская роскошь.

— Бэкхауз считает, что к духам следует относиться с большим почтением, — усмехнулся Фаулл.

— Но, мистер Бэкхауз, поэтическая обстановка, без сомнения...

— Прошу меня извинить. Я человек простой и всегда отдаю предпочтение элементарной неприязнительности. Не стану возражать, но свое мнение выскажу. Природа — это одно, искусство — совсем другое.

— Не могу сказать, что я с вами не согласен, — заметил магистрат. — Подобное событие должно быть простым, чтобы уберечь нас от опасности заблуждения. Простите мою прямоту, мистер Бэкхауз.

— Мы будем сидеть при полном освещении, — ответил Бэкхауз, — и каждый получит возможность осмотреть комнату. Я также попрошу вас досмотреть меня самого.

Повисло весьма неловкое молчание. Его нарушили еще два гостя, прибывшие вместе. Прайор, успешный поставщик кофе из Сити, и Лэнг, биржевой маклер, известный в своих кругах как фокусник-любитель. Последнего Бэкхауз немного знал. Прайор, наполнивший комнату слабым ароматом вина и табачного дыма, попытался привнести в атмосферу шуточные нотки, но, не найдя отклика, вскоре умолк и принялся изучать акварели на стенах. Лэнг, высокий, худой, лысеющий мужчина, мало говорил, но постоянно бросал взгляды на Бэкхауза.

Подали кофе, ликеры и сигареты. Угостились все, за исключением Лэнга и медиума. Тут сообщили о прибытии профессора Халберта. Он был видным психологом, автором и лектором, специализировавшимся по ментальным аспектам преступлений, безумия, гениальности и тому подобных вещей. Его присутствие на подобном собрании немного озадачило других гостей, но всем показалось, будто цель их встречи мгновенно обрела серьезность. Профессор был щуплым и чахлым, мягким

в общении и, вероятно, самым упрямым человеком во всей разношерстной компании. Не обращая внимания на медиума, он тут же уселся возле Кент-Смита и погрузился в беседу с ним.

На несколько минут позже означенного часа вошла без объявления миссис Трент, женщина лет двадцати восьми. У нее было бледное, серьезное лицо, как у святой, гладкие черные волосы и полные алые губы, словно налитые кровью. Ее высокое, грациозное тело было облачено в дорогой наряд. Миссис Трент обменялась поцелуями с миссис Джеймсон, поклонилась прочим гостям и с улыбкой покосилась на Фаулла. Тот одарил ее загадочным взглядом, и Бэкхауз, который ничего не упускал, заметил скрытого варвара в самодовольном блеске глаз хозяина. Миссис Трент отказалась от угощения, и Фаулл предложил, раз все собрались, отправиться в салон.

Миссис Трент подняла изящную ладонь.

— Вы дали мне карт-бланш или нет, Монтегю?

— Разумеется, дал, — со смехом ответил Фаулл. — Но в чем дело?

— Быть может, я была слишком самонадеянна. Даже не знаю. Я пригласила двух друзей присоединиться к нам. Нет, вы их не знаете... Две самые выдающиеся личности, что вы когда-либо видели. И к тому же медиумы, вне всяких сомнений.

— Звучит очень загадочно. Кто же эти заговорщики?

— Хотя бы скажите нам их имена, невозможная девица, — добавила миссис Джеймсон.

— Один носит имя Маскалл, а другой — Найтспор. Больше я о них почти ничего не знаю, так что не обрушивайте на меня вопросы.

— Но где вы их встретили? Ведь где-то же вы должны были с ними повстречаться.

— Это перекрестный вопрос. Разве я нарушила условности? Клянусь, что ни слова не скажу вам о них. Они явятся сюда, и я оставлю их на вашу милость.

— Я с ними не знаком, — сказал Фаулл, — равно как и, судя по всему, все прочие, но, разумеется, мы с радостью их примем... Нам следует подождать?

— Я назвала девять часов, и это время уже миновало. Вполне возможно, они не придут... Как бы там ни было, не нужно ждать.

— Я бы предпочел начать немедленно, — заметил Бэкхауз.

Салон, просторный зал длиной сорок и шириной двадцать футов, был по случаю сеанса разделен на две равные части тяжелым парчовым занавесом, натянутым посередине и скрывавшим дальний конец комнаты. Ближняя половина была превращена в зрительный зал с расставленными полумесяцем креслами. Другой мебели не было. Между креслами и дверью, в середине стены, пылал камин. Комнату ярко освещали электрические бра. На полу лежал дорогой ковер.

Рассадив гостей, Фаулл подошел к занавесу и отдернул его, открыв почти точную копию сцены в храме из «Волшебной флейты» в постановке Друри-Лейн: мрачная, массивная архитектура интерьера, пылающее вдалеке небо, а на его фоне — силуэт огромной статуи сидящего фараона. Перед пьедесталом статуи красовалась деревянная кушетка, украшенная причудливой резьбой. Рядом с занавесом, под углом к зрителям, стояло простое дубовое кресло для медиума.

Многие из собравшихся в глубине души сочли обстановку неподобающей случаю, со скверным душком похвальбы. Особенно смутился Бэкхауз. Однако привычные комплименты обрушились на миссис Трент, организатора столь примечательного театра. Фаулл предложил друзьям подойти ближе и изучить помещение со всей возможной тщательностью. Его приглашение приняли только Прайор и Лэнг. Первый принялся бродить среди картонных декораций, насвистывая себе под нос и время от времени постукивая по предметам костяшками паль-

цев. Оказавшийся в своей стихии Лэнг, не обращая внимания на других гостей, провел дотошный, систематический обыск на предмет скрытой аппаратуры. Фаулл и миссис Трент стояли в углу храма и тихо разговаривали, в то время как миссис Джеймсон, делая вид, будто поддерживает беседу с Бэкхаузом, следила за ними, как умеют следить только глубоко заинтересованные женщины.

К своему разочарованию, Лэнг не нашел ничего подозрительного, и медиум попросил, чтобы его одежду тоже осмотрели.

— Все эти предосторожности излишни и не имеют отношения к делу, как вы незамедлительно увидите. Однако моя репутация требует лишить отсутствующих здесь людей возможности впоследствии говорить, будто я прибег к обману.

Неблагодарная задача осмотра карманов и рукавов снова выпала Лэнгу. Несколько минут спустя он выразил удовлетворенность тем, что у Бэкхауза нет никаких механических приспособлений. Гости вновь расселись. Фаулл приказал принести еще два кресла для друзей миссис Трент, которые, однако, до сих пор не прибыли. Затем хозяин нажал кнопку электрического звонка и уселся сам.

Это был сигнал: заиграл скрытый оркестр. Изумленный шепот пробежал среди гостей, когда без предупреждения в воздухе поплыли дивные, мрачные ноты «храмовой» музыки Моцарта. Предвкушение собравшихся нарастало, и, несмотря на бледность и спокойствие миссис Трент, было видно, что та глубоко тронута. В эстетическом смысле она была самой важной гостьей. Фаулл наблюдал за ней, привычно раскинувшись в кресле, опустив голову на грудь.

Бэкхауз поднялся, положил руку на спинку кресла и заговорил. Музыка мгновенно стихла до пианиссимо и оставалась такой, пока он стоял.

— Дамы и господа, вам предстоит стать свидетелями материализации. Это означает, что вы увидите появление того, чего раньше здесь не было. Сначала форма будет туманной, но в конце концов станет плотным телом, к которому каждый из вас сможет прикоснуться — и которому сможет, например, пожать руку, ведь тело это будет человеческим. Это будет настоящий мужчина или женщина — кто именно, я сказать не берусь, — но мужчина или женщина без известного прошлого. Однако если вы потребуете у меня объяснения происхождения материализовавшегося тела — откуда оно взялось, где берутся атомы и молекулы, составляющие его ткани, — я не смогу удовлетворить ваше любопытство. Я лишь демонстрирую феномен; буду чрезвычайно благодарен, если кто-то впоследствии сможет его мне истолковать... На этом все.

Он снова сел вполоборота к собравшимся и мгновение помедлил, прежде чем перейти к делу.

В эту минуту слуга открыл дверь и приглушенным, но четким голосом объявил:

— Мистер Маскалл, мистер Найтспор.

Все обернулись. Фаулл поднялся, чтобы приветствовать опоздавших гостей. Бэкхауз тоже встал и пристально посмотрел на них.

Двое незнакомцев не отходили от двери, тихо закрывшейся за ними, словно ожидали, пока утихнет легкое волнение, вызванное их прибытием. Маскалл напоминал гиганта, но более широкоплечего и крепкого, чем большинство. У него была густая борода. Черты лица казались топорными и тяжелыми, грубыми, словно вырезанными из дерева, но в его маленьких черных глазах сверкали искры ума и отваги. Короткие черные волосы щетинились. Найтспор был среднего роста, однако выглядел таким жестким, словно изжил в себе все людские слабости и эмоции. Его безволосое лицо выражало сильный духовный голод, взгляд был диким и от-

страненным. Оба мужчины были одеты в твидовые костюмы.

Прежде чем кто-либо успел заговорить, ужасный грохот падающих кирпичей заставил собравшихся в страхе вскочить с кресел. Казалось, будто рухнул весь верхний этаж здания. Фаулл кинулся к двери и позвал слугу, чтобы узнать, что происходит. Ему пришлось спросить дважды, прежде чем слуга понял вопрос и ответил, что ничего не слышал. Повинуясь приказу хозяина, он отправился наверх. Однако там царил полный порядок, и никто из горничных тоже ничего не слышал.

Тем временем Бэкхауз, который почти единственный из всех собравшихся сохранил хладнокровие, подошел прямо к Найтспору. Тот стоял и грыз ногти.

— Возможно, вы сможете объяснить причину этого, сэр?

— Она сверхъестественная, — ответил Найтспор хриплым, приглушенным голосом, отворачиваясь от Бэкхауза.

— Я так и думал. Это знакомый феномен, но я никогда не сталкивался со столь громким.

Он направился к гостям, чтобы их успокоить. Они постепенно затихли, однако было очевидно, что их прежний легкомысленный, насмешливый интерес к происходящему сменился бдительной настороженностью. Маскалл и Найтспор заняли свои места. Миссис Трент то и дело встревоженно поглядывала на них. На протяжении всего инцидента продолжал звучать гимн Моцарта. Оркестр тоже ничего не слышал.

Бэкхауз приступил к делу. Оно становилось для него привычным, и он не тревожился об исходе. На материализацию нельзя было воздействовать простым сосредоточением воли или какой-либо способности, иначе многие люди могли бы делать то, что умел он. Его природа была исключительной: в пограничной стене между ним и миром духов зияли многочисленные дыры. Сквозь эти

пробоины в его сознании обитатели невидимой сферы по его зову на мгновение робко, опасно проходили в материальную, цветную вселенную... Он не знал, как это происходит... Переживание было трудным для тела, и многие подобные попытки могли привести к безумию и быстрой смерти. Вот почему Бэкхауз вел себя сурово и резко. Грубая, неуклюжая подозрительность некоторых свидетелей, равно как и фривольное эстетство других, были в равной степени оскорбительны для его мрачного, надорванного сердца. Однако он должен был жить и, дабы оплачивать свое существование, мириться с подобным нахальством.

Он сел лицом к деревянной кушетке. Его глаза были открыты, но словно смотрели внутрь. Щеки побледнели, и он как будто похудел. Зрители затаили дыхание. Самые чувствительные начали ощущать — или воображать — присутствие странных существ. Глаза Маскалла блеснули от предвкушения, брови прыгали вверх-вниз, однако Найтспор выглядел скупающим.

Десять долгих минут спустя пьедестал статуи стал немного размытым, будто с земли начал подниматься туман, который постепенно сгустился в облако, извивавшееся и постоянно менявшее очертания. Профессор полупривстал, одной рукой придерживая на переносице очки.

Облако медленно приобрело размеры и форму взрослого человека, по-прежнему оставаясь смутным и размытым, паря в футе над кушеткой. Бэкхауз выглядел изможденным и мертвенно-бледным. Миссис Джеймсон тихо лишилась чувств на своем кресле, но на нее никто не обратил внимания, и она вскоре ожила. Видение опустилось на кушетку и в тот же миг внезапно потемнело, стало плотным и похожим на человека. Многие гости бледностью могли соперничать с медиумом, однако Фаулл сохранил стоическую апатию и бросил несколько взглядов на миссис Трент. Та не отрывала глаз от ку-

шетки и крутила в пальцах кружевной платочек. Музыка продолжала играть.

К этому времени фигура окончательно приняла очертания лежащего человека. Проявилось лицо. Тело было укутано чем-то вроде савана, но черты были юными. Гладкая рука свисала, почти касаясь пола, белая и неподвижная. Слабые духом смотрели на видение с тошнотворным ужасом; прочие были серьезны и ошеломлены. Призрак был мертв, но смерть эта казалась не той, что следует за жизнью, а той, что ей предшествует. Все чувствовали, что человек вот-вот сядет.

— Остановите эту музыку! — пробормотал Бэкхауз, с трудом выбираясь из кресла и поворачиваясь к зрителям. Фаулл коснулся звонка. Еще несколько тактов — и воцарилась полная тишина.

— Все желающие могут подойти к кушетке, — с усилием выговорил Бэкхауз.

Лэнг тут же последовал его совету и потрясенно замер рядом с призрачным юношей.

— Можете коснуться его, — сказал медиум.

Однако Лэнг не осмелился. Не осмеливались сделать это и другие, по одному прокрававшиеся к кушетке, пока не пришла очередь Фаулла. Тот посмотрел прямо на миссис Трент, которая, казалось, испытывала ужас и отвращение от представшего перед ней зрелища, после чего не только коснулся призрака, но и внезапно схватил свисавшую руку и крепко ее пожал. Миссис Трент тихо вскрикнула. Призрачный гость открыл глаза, одарил Фаулла странным взглядом и сел. Его рот скривился в загадочной улыбке. Фаулл посмотрел на свою ладонь; по его телу пронеслось чувство глубокого наслаждения.

Маскалл подхватил миссис Джеймсон — та снова лишилась чувств. Миссис Трент подбежала к ней и вывела ее из комнаты. Они не вернулись.

Призрачное тело поднялось, оглядываясь, продолжая таинственно улыбаться. Прайор внезапно ощутил дур-